

Галина Юзефович

Ключи от Хогwartса

Культурные коды вселенной Гарри Поттера

Мультикультура

МИО

МИФ Культура

Галина Юзефович

**Ключи от Хогwartса. Культурные
коды вселенной Гарри Поттера**

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2025

УДК 82.091
ББК 83.3

Юзефович Г. Л.

Ключи от Хогвартса. Культурные коды вселенной Гарри Поттера
/ Г. Л. Юзефович — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»,
2025 — (МИФ Культура)

ISBN 978-5-00-250687-3

Как и все великие книги, «Гарри Поттер» полон загадок. Где в поттериане скрывается Средневековье? На каком языке говорят волшебники? Как мальчик, который выжил, стал явлением не только культурной, но и экономической жизни множества стран? И как он изменил мировую культуру и целое поколение читателей из разных уголков планеты? Ответы на все эти вопросы вы узнаете из этой книги. Это увлекательное путешествие сквозь литературу, историю, религию и философию – для тех, кто хочет понять, как «Гарри Поттер» стал зеркалом эпохи и почему он продолжает будоражить наши умы до сих пор.

УДК 82.091

ББК 83.3

ISBN 978-5-00-250687-3

© Юзефович Г. Л., 2025
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2025

Содержание

Что такое «Страдариум»?	7
От автора	8
Глава 1. Гарри Поттер и «большая игра»	11
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Галина Юзefович Ключи от Хогвартса. Культурные коды вселенной Гарри Поттера

Выражаем благодарность за подготовку издания Олегу Воскобойникову, Янису Прошкинасу, Константину Мефтахудинову, Юрию Сапрыкину – младшему

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Товарный знак номер № 967656, зарегистрированный 13 сентября 2023 года.

© Юзефович Г., 2025

© Оформление. ООО «МИФ», 2026

* * *

Что такое «Страдариум»?

Привет! Это Олег Воскобойников. Вместе с командой мы делаем «Страдариум» – платформу по гуманитарным наукам от проекта «Страдающее Средневековье». Наша аудитория в соцсетях больше 1 000 000 человек, а курсы прошли больше 40 000 слушателей.

Мы приглашаем лучших ученых и экспертов в конкретных сферах знаний и придумываем с ними курсы: искусство, история, цивилизации, религии, культура и многое другое (не только Средневековье!). Приходите, вам понравится. Наш девиз – (почти) никаких страданий.

Олег Воскобойников. Научный руководитель «Страдариума»

Все курсы найдете на сайте: www.stradarium.ru

Переходите по ссылке или просто наведите камеру смартфона на этот QR-код:

От автора

Я не принадлежу ни к поколению, взрослевшему с «Гарри Поттером», ни к поколению, на рубеже веков нетерпеливо ожидавшему каждую следующую книгу вместе со своими детьми. На момент выхода «Философского камня» мне исполнился двадцать один год, а дети мои родились уже в середине нулевых, когда с полки горячих новинок поттериана благополучно переехала в отдел нержавеющей классики. Я была бы рада сказать, что стояла у истоков популярности Джоан Роулинг в России и раньше других разглядела заложенный в ее книгах великий потенциал, но и это, увы, не будет правдой. Впервые с мальчиком-волшебником я познакомилась в 2000 году в любительском переводе Марии Спивак, выложенном на сайте «НИИ “Гарри Поттер”», и не слишком впечатлилась. Во всяком случае, я не бросила все дела, чтобы читать дальше, и не влилась в многомиллионную армию поклонников «Гарри Поттера». А первую книгу на английском я купила лишь в 2004 году, да и то не себе, а в подарок дружественному подростку.

Мой персональный путь поттеромана начался сравнительно поздно – в 2012 году, когда одно уважаемое издание предложило мне написать статью к пятидесятилетию со дня выхода первой книги. Не знаю, кто тогда удивился больше – я подобной идее или редактор моему полнейшему равнодушию к «Гарри Поттеру». Однако, отказавшись писать статью, я едва ли не впервые всерьез задумалась о том, почему через пятнадцать лет после старта (и, соответственно, через пять лет после завершения) цикла об этих «просто детских книжках» продолжают говорить и писать – в том числе уважаемые издания.

Вот тогда-то я впервые прочла всего «Гарри Поттера» по-настоящему – в оригинале, методично, от «Философского камня» до «Даров Смерти», по ходу многократно возвращаясь к некоторым фрагментам, наклеивая разноцветные стикеры, делая выписки и заметки. Как результат, я не столько влюбилась в поттериану пылкой юношеской любовью, сколько испытала зрелый, преимущественно рассудочный восторг от головокружительной красоты возведенного Джоан Роулинг здания. Взглянув на цикл как на единое целое отстраненным профессиональным взглядом, я смогла оценить его по достоинству.

С этого момента начался мой путь не фаната, а скорее исследователя – или, если угодно, криптоисследователя, потому что никакого видимого глазом «выхлопа», никакой практической цели мои штудии не имели. За все последующие годы я опубликовала лишь пару небольших эссе о феномене Гарри Поттера. И тем не менее я читала все новые книги, ему посвященные. Задним числом обнаруживала в поттериане скрытые отсылки и переклички, а после проверяла и перепроверяла свои гипотезы. Издали следила за жизнью фанатского сообщества, а значит, и за скандалами, бушующими вокруг Джоан Роулинг в последние годы.

В чем был смысл этой деятельности, я, как это нередко случается, узнала задним числом, а именно зимой 2024 года, когда коллеги по образовательной онлайн-платформе «Стардариум» предложили мне прочесть для них небольшой курс о «Гарри Поттере». В этот момент все разом встало на свои места, а мои бесконечные «записки и выписки» оказались не бесполезным балластом, зачем-то кочующим со мной с места на место, с компьютера на компьютер, но заповедным кладом, который пришло время предъявить миру.

Так родился мой курс, получивший название «Люмос! Гарри Поттер в философии, истории и культуре» и ставший одной из главных моих радостей в безрадостные, в общем-то, последние годы. Наконец-то я могла с полным на то правом произвести ревизию уже сделанного, заполнить лакуны и собрать бесконечные разрозненные фрагменты знания в подобие цельной картины.

В результате курс принял форму пяти тематически обособленных занятий, организованных следующим образом.

Яркость отдельного фрагмента нередко затмевает общее величие композиции, поэтому первую свою лекцию, озаглавленную «Гарри Поттер и “большая игра”», я посвятила «Гарри Поттеру» как циклу, подчиненному единому концептуальному замыслу. Я постаралась разобрать ключевые мотивы, пронизывающие и скрепляющие воедино все семь книг о мальчике-волшебнике, а также проанализировать многочисленные и, на первый взгляд, легко устранимые ляпы и нестыковки, которые так любят обсуждать поклонники.

Вторая лекция, «Гарри Поттер и мировая культура» – самая насыщенная и объемная, – была посвящена скрытым и явным культурным аллюзиям в книгах Джоан Роулинг. Конечно, «Гарри Поттер» – не «Имя розы» Умберто Эко и не «Обладать» Антонии Байетт, в которых, совсем уж не опознавая культурных отсылок и параллелей, читатель рискует лишиться едва ли не половины удовольствия. Однако понимание уз родства, связывающих Почти Безголового Ника с персонажами Льюиса Кэрролла, а Северуса Снейпа с Сидни Картоном из «Повести о двух городах» Чарльза Диккенса, способно если не изменить, то во всяком случае расширить наше видение любимых книг.

Можно ли эксплуатировать представителей других рас, безнаказанно глумиться над людьми с лишним весом и практиковать совершенно бесстыдный элитизм, оставаясь при этом положительным героем? На третьей лекции («Гарри Поттер и система ценностей») я позволила себе поразмышлять, откуда взялась и чем подпитывается та сумма взглядов, которую Роулинг транслирует в своих книгах, и почему критика в ее адрес не то чтобы совсем уж беспочвенна, но основана на неполном понимании философии, культурного кода и мировоззрения писательницы.

Влияние Гарри Поттера распространилось далеко за пределы культурной сферы. Книги Джоан Роулинг заложили фундамент могущественной бизнес-империи, однако едва ли не важнее то, как они определили идеи и настроения целого поколения, трансформировав его представления о самых разных вещах – от политики до бытовых привычек и от читательских предпочтений до отношения к волонтерству. Именно об этом шла речь на моей четвертой лекции – «Гарри Поттер и история человечества».

И наконец, пятая лекция (я назвала ее «Гарри Поттер и трудности перевода») была посвящена, как нетрудно догадаться, переводам книг Джоан Роулинг на разные языки. В России противостояние сторонников так называемого росмэновского перевода с одной стороны и перевода Марии Спивак с другой продолжается уже много лет. Однако наша страна не единственная, в которой переводы «Гарри Поттера» вызывают вопросы и полемику, порой крайне ожесточенную. Я рассказала о том, как профессор Дамблдор стал в Италии профессором Силенте, какие трудности испытали переводчики поттерианы на иврит и арабский, почему в Непале книги Роулинг не прижились вовсе, и о многих других нюансах, связанных с переносом «Гарри Поттера» на иную культурную и языковую почву.

Книга, которую вы держите в руках, стала естественным следствием (и в некотором смысле продолжением) курса в «Страдариуме», а потому повторяет его структуру – в ней тоже пять глав, и посвящены они тем же темам. Однако, в отличие от лекций, имеющих четкие временные рамки – в твоём распоряжении полтора часа, и изволь в них уложиться, – текст налагает на автора куда меньше формальных ограничений. Поэтому по сравнению с лекциями в книгу вошло существенно больше материала. Кое-что мне показалось необходимым уточнить, что-то дополнить, где-то сместить акценты, к чему-то привести больше примеров. Подобно революции, имеющей, если верить известной советской песне композитора Вано Мурадели на стихи Юрия Каменецкого, начало, но не имеющей конца, процесс изучения «Гарри Поттера» не предполагает какого-либо завершения. А это значит, что за прошедшие с окончания курса месяцы я попросту узнала немало нового, и мне показалось важным поделиться им с вами.

Виадук Гленфиннан в Шотландии.
Delpixel / Shutterstock

И вот тут уместным будет задаться вопросом, кто, как мне думается, мой читатель. Кого я рисую в своем воображении, обращая к неким «вам», и с кем мне так хочется поделиться вышеупомянутым «новым».

Если феномен «Гарри Поттера» вовсе не задел вас своим совиным крылом, едва ли вас заинтересуют те скромные сокровища, которые я со сдержанной гордостью готовлюсь вам предъявить. В то же время, если вы серьезный поттероман со стажем и в своей любви не ограничивались многократным перечитыванием семикнижия Джоан Роулинг и пересмотром его экранизаций, едва ли на страницах моей книги вы найдете много такого, чего не знали (или не думали) бы сами. Поэтому, наверное, на поставленный выше вопрос – кто мой читатель? – правильно будет ответить так: мой читатель – это просто поклонник «Гарри Поттера», который всегда рад ненадолго вернуться в мир магии, пусть даже с черного хода. Иными словами, если вы любите книги Джоан Роулинг и вдумчивое перебирание связанных с ними артефактов – пестрых бусин, фантиков и цветных пуговиц – не кажется вам ни бессмысленным, ни утомительным, то присоединяйтесь: именно этим мы и будем заниматься.

Конечно, в рамках одной сравнительно небольшой книги невозможно рассмотреть феномен мальчика-волшебника всесторонне, и многие дорогие для поттероманского сердца сюжеты вынужденно остались за бортом. Приквелы и спин-оффы, тематические парки и компьютерные игры, коллекционные сувениры и фанфики – все это нуждается во вдумчивом анализе ничуть не меньше того, о чем пойдет речь на этих страницах. Поэтому давайте надеяться, что лакуны, зияющие в моей книге, послужат источником вдохновения для будущего исследователя.

Глава 1. Гарри Поттер и «большая игра»

Письмо как терапия

Крошечная девочка спит в коляске, а ее мать – молодая женщина, только что пережившая катастрофический брак и не менее катастрофический развод, живущая на нищенское пособие в тесной и сырой социальной квартирке, – сидит за столиком в кофейне и что-то строчит в блокноте. В кофейне тепло – гораздо теплее, чем в стыллой конуре, которую женщина называет домом, поэтому можно немного сэкономить на отоплении. А если не заказывать ничего лишнего, то пара чашек кофе вполне впишется в скромный бюджет – в неделю молодая мать может рассчитывать на 70 фунтов, из которых нужно купить еды себе и ребенку, а еще заплатить по счетам. Ну а когда официанты начнут косо поглядывать на засидевшую посетительницу, всегда можно переместиться из просторного и ярко освещенного кафе «Элефант» в более скромное «Николсонс» – это заведение принадлежит мужу ее сестры, поэтому там женщина может чувствовать себя в безопасности. Главное для нее – писать, писать, не отрывая руки от бумаги, прямо на ходу складывая слова в предложения, а предложения – в истории. Это единственное, что позволяет ей убежать от темной безнадежности вокруг в светлый мир фантазии...

Примерно так описывается жизнь Джоан Роулинг накануне «Гарри Поттера» в большинстве журналистских текстов. Очевидно, их авторами движет стремление выкрутить уровень драматизма на максимум, чтобы тем самым подсветить еще не зримый, но уже предощущаемый миг великого триумфа. Усталая молодая женщина за столиком кафе пока не знает того, что знаем мы: время ее горестей отмерено, избавление близко. Вот-вот для нее и миллионов ее будущих читателей прозвучит заклинание «Люмос!» и вспыхнет ослепительно-яркий свет.

Кафе в Эдинбурге, где Джоан Роулинг писала «Гарри Поттера».

Nizzan Cohen, The Elephant House, Edinburgh, 07.10.2023. Wikimedia Commons. CC BY 4.0

Настолько душераздирающее прочтение биографии Джоан Роулинг – не просто эффектная прелюдия к очередной истории феноменального успеха. Конечно, чем глубже бездна, из которой воспаряет герой, чем злее мачеха, грязнее сковородки и острее колючки на розовых кустах, тем больше мы сочувствуем Золушке и тем больше в конечном счете ее любим. Но в этом конкретном случае дело, пожалуй, обстоит чуть сложнее. Для многих читателей «Гарри Поттер» был и остается волшебным убежищем от внешнего дискомфорта – зачарованным краем, в который можно уйти, бесшумно притворив за собой зеленую дверцу. Поэтому, вероятно, так велик соблазн перенести свои эмоции и на его создательницу: если чтение может стать спасением, то почему бы письму не послужить терапией?

И правда, почему нет – прятаться в книгу умеют не только читатели, но и писатели, мы знаем немало подобных случаев. Зинаида Шишова пишет самые светлые первые главы своего детского исторического романа «Джек-Соломинка» в блокадном Ленинграде. Мариам Петросян работает над «Домом, в котором» в Армении во время карабахской войны. В квартирах нет света, ереванцы ставят на городских кухнях буржуйки и рубят вековые деревья на дрова, чтобы согреться, еды катастрофически не хватает. Петросян же создает причудливую фэнтези о подростках-инвалидах, живущих в странной школе-интернате на перекрестке нескольких вселенных. И иногда, исписав пару десятков страниц, она сама наконец словно бы протискивается внутрь Дома, чтобы в его исчерканных граффити коридорах и сумрачных классах укрыться от жути вовне.

Обратной стороной терапевтического письма часто становится рваность, фрагментарность возникающего таким образом мира. «Дом, в котором», к примеру, буквально состоит из дыр: мы не знаем не только где и когда происходит действие (это, положим, элемент автор-

ского замысла), но и множества других важных вещей, которые вообще-то можно было и прояснить. Кто готовит и стирает для героев, чем именно они больны (и больны ли – многие из них кажутся вполне здоровыми), почему они живут так, как живут, чему их учат на уроках (чему-то же должны учить) и почему все творящееся в стенах Дома – а творится там буквально черт-те что – так легко сходит им с рук?.. С одной стороны, эти прорехи и противоречия создают внутри романа волнуемую атмосферу большого настоящего мира, который так велик и сложен, что все его детали невозможно окинуть взглядом. С другой – в тот момент, когда читатель пытается восстановить логику событий или, сфокусировав взгляд на какой-то детали, обнаруживает на ее месте в лучшем случае нарисованный очаг, они раздражают.

Мир из дыр

Взглянув на «Гарри Поттера» под таким углом, мы обнаружим в нем предостаточно примет терапевтического письма, а именно логических сбоев и нестыковок. На фанатских форумах бесконечно обсуждают, что, к примеру, случилось с родителями Гермионы после того, как та, отправляясь в свое гибельно опасное путешествие и желая избавиться от лишней боли и тревог, стерла им память. Было ли это действие необратимым, как в случае с Златопустом Локонсом, которого заклятие «Обливиэт» сбросило, так сказать, до заводских настроек? Или после победы над Вольдемортом¹ мистер и миссис Грейнджер все же вспомнили свою дочь? А если да, то что помешало аналогичным образом вернуть память злополучному преподавателю защиты от темных искусств – неужели только воспитательные соображения?..

История с родителями Гермионы, скромными и совершенно чуждыми магии стоматологами, в целом выглядит довольно удивительно. Мы знаем, что вместе с дочерью они меняли фунты на галеоны (по какому, кстати, курсу?), покупали школьные принадлежности в Косом переулке и провожали ее на платформу 9³/₄, то есть были знакомы с миром волшебников не понаслышке. Летом на каникулах Гермиона приезжала домой и, надо думать, вместе с родителями навещала бабушек или друзей – что Грейнджеры отвечали на расспросы о том, в какую школу ходит их дочь и какие предметы там изучает? Неужели они так мастерски, так долго, так системно лгали родным и при этом ни разу не прокололись? Учитывая, сколько маглорожденных детей училось в Хогвартсе одновременно, эта утомительная омерта должна была охватывать сотни людей по всей Англии – не говоря уже о тех, чьи дети выпустились раньше, и о высшем руководстве страны, которое по долгу службы также знало о существовании волшебников. И можно только догадываться, насколько мучительна была жизнь родителей Гермионы, пронизанная вечным враньем и недомолвками.

Отношения между волшебниками и маглами – одна из самых заметных прорех в ткани магического мира «Гарри Поттера». Нам известно, что в разгар охоты на ведьм, то есть в XVII веке, волшебниками был принят так называемый Статут о секретности, фактически отправивший их всех в подполье. Однако мы мало знаем о том, как в точности он работает. Как, например, организована жизнь в Годриковой Впадине, родной деревне Гарри Поттера и Дамблдора, где маги жили бок о бок с маглами на протяжении нескольких столетий? Где добывала продукты многочисленная (и не жалующаяся на аппетит) семья Уизли, обитавшая, как мы помним, на отшибе, – неужели Молли Уизли закупалась по субботам в ближайшем супермаркете? И как, наконец, удалось замести следы в тот знаменательный день, когда обрадованные исчезновением Вольдеморта волшебники повалили на улицы Лондона праздновать избавление от темного гнета? Можно, конечно, допустить, что каждому маглу, столкнувшемуся с волшеб-

¹ На русский имена героев «Гарри Поттера» переводили по-разному (об этом мы подробно поговорим в [пятой главе](#) этой книги), поэтому там, где расхождения особенно велики, мы будем придерживаться написания, максимально приближенного к оригинальному, – Вольдеморт (а не Волан-де-Морт), Снейп (а не Снегт или Злей) и т. д.

никами, просто стирают память (мы точно знаем, что это происходит в отдельных случаях), но, честно сказать, мир, в котором такое практикуется, не многим лучше мира из романа Джорджа Оруэлла «1984»...

Помимо этой – вполне очевидной – дыры есть и другие. Мы знаем, что несовершеннолетним волшебникам нельзя колдовать за пределами школы. Так, Гарри едва не исключают из Хогвартса за то, что в порыве ярости он надул и запустил в воздух сестру дяди Вернона, тетю Мардж. При этом событии не присутствовало никого, кроме маглов, однако новость о нарушении достигла Министерства магии в считанные секунды. Это заставляет предположить, что каждый малолетний волшебник оснащен чем-то вроде специального датчика, срабатывающего при попытке незаконным образом применить магию. Но почему же тогда Фред и Джордж Уизли, в первых книгах также не достигшие совершеннолетия, колдуют на каникулах напропалую – на них, выходит, датчиков нет? Да и полеты на метлах во время каникул тоже как будто не наказуемы – во всяком случае, Гарри с друзьями практикуют этот навык, пока гостят у Уизли в Норе, и единственная предосторожность, которую они соблюдают, – не подниматься выше деревьев.

Вопрос профессионального, если можно так выразиться, совершеннолетия волшебников в целом остается открытым. С какого момента юный маг имеет официальное право колдовать вне школьных стен? После сдачи экзаменов? Мы знаем, что ни Хагрид, ни Фред с Джорджем не окончили полный курс в Хогвартсе, однако первому применять магию вроде как не положено, а вторые, напротив, пользуются всеми привилегиями полноправных волшебников.

Более того, мы знаем, что взрослые волшебники работают на разных работах – среди них есть судьи, педагоги, банковские и государственные служащие, профессиональные спортсмены, ученые, журналисты, торговцы. Однако никто никогда не слышал о волшебных университетах – кажется, что образование магов ограничивается школой. Но где же тогда они получают соответствующую квалификацию? И как формализован этот процесс? В старших классах существует некоторая специализация, но едва ли она способна заменить полноценную профессиональную подготовку.

На месте институционального устройства у Роулинг вообще зияет одна большая дыра. Само название Министерства магии намекает на существование других министерств, но их нет. Министерство магии – это, по сути дела, правительство волшебного мира, однако по какому принципу формируется его штат и кто назначает министра, нам не сообщается. В книгах ни разу не упоминаются выборы или иные демократические процедуры, но и авторитарической (или, не дай бог, тоталитарной) эту политическую систему, кажется, тоже не назовешь.

Перечислять несуразности и непроясненности в книгах о мальчике-волшебнике можно едва ли не до бесконечности. Мы не знаем, откуда взялись, как скрываются от людей и какими правами обладают мелкие и предположительно разумные волшебные существа вроде садовых гномов или корнуольских пикси (и те и другие не семи пядей во лбу, но по крайней мере умеют говорить, и тем не менее травить их химикатами – практика вполне легальная и непредвзятая). Почему кентавры и гоблины настолько принижены по сравнению с волшебниками, но при этом именно гоблины контролируют магические финансы? Как сложилось, что домовые эльфы пребывают у волшебников в унижительном рабстве?..

Ну и, наконец, главное – почему даже самые сведущие обитатели волшебного мира удивляются тому, что годовалый Гарри благополучно пережил нападение Вольдеморта? Неужели они не слышали, что добровольная жертва (за Гарри, как мы помним, отдала жизнь его мать Лили) безотказно спасает того, во имя кого принесена? Конечно, волшебники могли не читать сказку Клайва С. Льюиса «Лев, колдунья и платяной шкаф» – там великий лев Аслан позволяет убить себя ради спасения мальчика Эдмунда, предавшего своих друзей из-за постыдной страсти к рахат-лукуму. Но не могли же они, в самом деле, ничего не слышать о чуде распятия

и воскрешения – что-то же они празднуют на Рождество, так что, вероятно, хотя бы самое базовое представление о христианстве у них имеется.

Словом, если смотреть на книги Джоан Роулинг с этого ракурса, версия о терапевтическом письме выглядит вполне убедительно. Чем, если не стремлением конструировать нарратив прямо на ходу, по мере написания, можно объяснить такое количество логических дыр и откровенных несуразностей? Однако предложенный взгляд не единственный возможный, и, если зайти с другой стороны, картина окажется совершенно иной.

В добрый час

Начнем с того, что к моменту, когда Джоан Роулинг всерьез взялась за перо, первому «официальному документу», связанному с Гарри Поттером, – несколькими сбивчивым фразам, нацарапанным на листке бумаги прямо в электричке, – исполнилось семь лет. Более детальная проработка идеи происходила в Португалии, в городе Порту, где писательница прожила год, преподавая английский. Так что отчаявшаяся «разведенка на пособии», «терапевтично» строчащая в блокнотик в кафе, в действительности уже имела в голове (а отчасти и на бумаге) подробный – фактически поэпизодный – план всех семи книг.

Если же обратиться к биографическому материалу как таковому, то и в нем мы увидим целый ряд расхождений с устоявшейся легендой. Да, жизнь Джоан Роулинг в 1995 году – именно на него пришелся ключевой этап работы над «Философским камнем» – никто бы не назвал беззаботной. За ее плечами остался тягостный период скитания по чужим городам в поисках постоянной работы, ранняя смерть матери, охлаждение в отношениях с отцом (после смерти жены тот быстро женился вновь, фактически прекратив после этого общение с дочерьми). Только что Роулинг пережила в высшей степени неудачный брак с португальцем Жоржи Арантишем, рождение дочери, травматичный разрыв с мужем и безрадостное возвращение на родину, где ее никто не ждал. В довершение всего, как одинокая и малообеспеченная мать, будущая писательница попала в так называемую ловушку бедности. Чтобы не лишиться нищенского пособия и убогого социального жилья, она, как и многие другие оказавшиеся в подобном положении, не имела права выходить на работу, а значит, не могла рассчитывать на увеличение дохода.

Однако – и для понимания «анатомии» «Гарри Поттера» это очень важно – к 1995 году худший период для Джоан Роулинг остался позади: самым тяжелым для нее стал 1994-й. В 1995-м же она сумела поступить на учительские курсы, нашла небольшую подработку, переехала в теплую и светлую квартиру, сестра и ее муж были к Джоан неизменно добры и внимательны – словом, тучи, казавшиеся непроглядными, начали понемногу рассеиваться.

Таким образом, метод письма Роулинг никак нельзя назвать спонтанным и неподготовленным – слишком уж много труда и продуманности стоит за каждой сюжетной деталью, за каждым эпизодом. Да и настоятельная потребность в сказочном коконе-убежище именно в этот период по большей части развеялась – как бы сложно ни приходилось писательнице в 1995 году, в целом ее душевное состояние было скорее приподнятым и оптимистичным. Миновав нижнюю точку годом раньше, жизнь определенно налаживалась. А раз так, логично предположить, что перейти от планов и набросков непосредственно к работе над текстом Джоан Роулинг побудило не отчаяние и запрос на «терапию», но, напротив, прилив сил и веры в лучшее.

Но откуда же тогда такое количество противоречий? Чтобы ответить на этот вопрос, стоит задаться другим вопросом – целеполагания писательницы. Пожалуй, пришло время поговорить о том, в чем же состоял ее замысел и как были определены приоритеты.

«Книга о магии» – или «книга, в которой есть магия»?

В 2015 году Нил Гейман пригласил будущего нобелевского лауреата Кадзуо Исигуро публично обсудить тему, волновавшую на тот момент обоих, а именно категорию жанра в современной литературе. На протяжении большей части своей карьеры Гейман противился попыткам критиков уложить его в прокрустово ложе жанровости и категорически отказывался признавать себя фантастом, детским писателем или, допустим, автором графических романов. Исигуро же незадолго до описываемой встречи выпустил философский роман «Погребенный великан», который несколько дезориентировал читателей: многие недоумевали, почему такой уважаемый и серьезный писатель обратился к «малопочтенному» жанру фэнтези? Словом, Гейману с Исигуро было о чем поговорить, и результат их беседы оказался необыкновенно содержательным и полезным.

Один из главных выводов, к которому пришли писатели, – не все книги, где действуют рыцари и драконы, и даже не все книги, следующие устойчивым паттернам фэнтези, одинаковы. И различие это лежит в пространстве не художественной ценности (понятно, что фэнтези может быть как выдающимся, так и нет), а смысла. Существует, единогласно утверждают Нил Гейман и Кадзуо Исигуро, огромная разница между романами о драконах, с одной стороны, и романами, в которых есть драконы, – с другой. Для того чтобы отличить первые от вторых, нам нужно задуматься об авторском целеполагании и понять причину появления в том или ином тексте дракона. Почему автор решил ввести его в свое повествование – потому что у драконов классные крылья, они здорово дышат огнем и нравятся подросткам? Или, возможно, задача была иной?..

Мир волшебства в романах Джоан Роулинг о приключениях мальчика-волшебника описан настолько красочно, что в качестве ответа на вопрос, чем их считать – «книгами о магии» или «книгами, в которых есть магия», мы инстинктивно выберем первый вариант. Конечно же, в «Гарри Поттере» мы найдем множество захватывающих приключений, да и в героях невозможно не влюбиться, но главное в нем – это магия, ради нее все и затевалось. Заклинания, зелья, монстры, призраки, мантии, волшебные палочки и таинственные переходы Хогвартса – вот за что мы любим цикл Роулинг в первую очередь.

Но так ли это на самом деле? Давайте ненадолго отвлечемся от первой инстинктивной реакции и попробуем проследить, какого рода проблемы стоят перед героями и как разрешаются ключевые для них коллизии.

Гарри Поттер переживает утрату родителей, трагическое одиночество и многолетние издевательства со стороны тех, кто призван был заменить ему семью. После поступления в Хогвартс он панически боится неправильно выбрать сторону и страстно цепляется за новых – первых в его жизни – друзей. Несмотря на то что его дружбе с Роном всего несколько часов, да и о существовании факультетов Гарри узнал буквально только что, он настойчиво просит Распределяющую шляпу отправить его именно в Гриффиндор. Позже он сомневается в себе и в друзьях, сталкивается с буллингом, в первый раз влюбляется, теряет близкого человека, пробует себя в роли лидера, разочаровывается в наставнике, учится более реалистично смотреть на умерших родителей...

Рон разрывается между верностью другу, с одной стороны, и обидой – с другой. В эпической саге о борьбе добра со злом судьба отвела ему роль второго плана, и смириться с этим непросто.

Гермиона – с большим отрывом самая умная девочка в параллели – страдает от репутации зануды-ботанички, после сталкивается с дискриминацией как грязнокровка, оказывается трагически одинока в своей борьбе за права домовых эльфов, а еще мучается от ревности, когда на первых порах Рон предпочитает ей другую...

Едва ли во всех этих конфликтах и драмах можно усмотреть что-то специфически магическое. Рискнем предположить, что с подобными переживаниями маглы сталкиваются ничуть не реже волшебников. И колдовство помогает во всех этих случаях умеренно – более того, если с тобой случилась настоящая беда, надеяться на магию не приходится. Роулинг многократно подчеркивает, что заклинания не воскрешают мертвых, да и настоящую любовь зельями не приворожишь. В сущности, магия решает некоторые практические задачи, но если начистоту, то для многих из них прозаичные человеческие технологии стоили бы ничуть не хуже. Со всеми серьезными испытаниями героям «Гарри Поттера» предстоит справляться самим, полагаясь не на чары, но на доверие, дружбу, отвагу, изобретательность и удачу.

Иными словами, магия в книгах о Гарри Поттере, бесспорно, важна, но не настолько, чтобы их можно было назвать, пользуясь терминологией Геймана и Исигуро, «книгами о магии». Волшебство создает антураж – волнующий, ни на что не похожий, буквально затягивающий читателя внутрь книги и не выпускающий наружу. Но создавался цикл Роулинг определенно не ради него.

История, история и еще раз история

«Где-то на середине четвертой книги я поняла, что сделала серьезную ошибку в сюжете – прежде со мной такого не случалось. Задачу, которую я поставила перед Гарри, было совсем просто решить, и из-за этого я не могла вывести героев к нужному финалу. Это был один из самых черных эпизодов в моей писательской карьере. К Рождеству мне казалось, что все потеряно. “А я вообще справлюсь?” – спрашивала я себя каждый день. Чтобы выбраться из ловушки, в которую я сама себя загнала, потребовалось максимальное усердие и сосредоточенность. У меня ушли месяцы на то, чтобы буквально по кирпичику разобрать все построенное и проложить другой путь к развязке. Одну главу я переписывала 13 раз, но читатель никогда не догадается, о какой главе речь, и не увидит той боли, которую я при этом испытывала», – так описывает свои творческие муки при работе над «Кубком огня» Джоан Роулинг.

Обратите внимание: речь идет не о системе образования в колдовском мире, не об отношениях маглов и волшебников, не о функциях Министерства магии – словом, не об одной из тех шероховатостей, которые мы обсуждали выше и о которые внимательный читатель рано или поздно неизбежно споткнется. Главное, что волнует писательницу, – это рассказываемая ею история. Роулинг наперед знает концовку, но ей нужно проложить к ней оптимальный маршрут, и над этим она готова биться, покуда не достигнет максимально возможного совершенства.

Джон Рональд Руэл Толкин говорил, что работа над «Властелином колец» началась для него с разработки языков Средиземья, причем не только живых, но и мертвых. Помимо синдарина – языка «современных» эльфов, он изобрел и эльфийскую «латынь» – квенья, мертвый язык высокой средиземской древности. Профессор (так до сих пор называют Толкина поклонники) не мелочился: синдарин и квенья не просто разные языки – они принадлежат к разным языковым семьям. Толкин считал «универсально прекрасными» языками – безупречными как фонетически, так и структурно – валлийский (индоевропейская семья) и финский (уральская семья). Поэтому синдарин восходит к первому, а квенья – ко второму. Помимо эльфийских, описанных максимально подробно, с причудливой грамматикой и фонетикой, лексикой и регионализмами, писатель сформулировал ключевые принципы других языков – гномьего кхуздула и даже орочьего «черного наречия». Для каждого из них он детально проработал систему письменности, причем одни и те же руны были любовно модифицированы под нужды каждого конкретного наречия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.